

настоящую минуту...» - на этом произведение закономерно завершается.

Примечания:

1. См.: Рикер П. Время и рассказ: В 2 т. Т. 2: Конфигурация времени в вымышленном рассказе. М.; СПб., 2000. С. 108.
2. Здесь и далее текст повести цит. нами по: Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 3. М., 1979. Страницы указываются в скобках.

© Соломеина В. Н.

г. Екатеринбург

КНЯЗЬ Б. И. КУРАКИН — ПЕРВЫЙ РУССКИЙ МЕМУАРИСТ: К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ МЕМУАРНОГО ЖАНРА В РОССИИ

Мемуаристика является относительно новым жанром в общей системе литературных жанров. Исследователь русских мемуаров А. Г. Тартаковский отметил, что западная мемуаристика есть продукт ренессансной эпохи как результат высвобождения личности от аскетизма и «замкнутости средневекового мирозерцания». Корни русской мемуаристики следует искать не только в западных образцах этого жанра, но и в традициях древнерусской литературы- летописи, жития, поучения, статейные списки, хождения. В русской литературе мемуарное начало, неразрывно связанное с усилением индивидуального элемента, осознанием ценности своей личности, возрастает в XVII в. Но формирование русской мемуаристики как жанрово-видового образования становится возможным только «в условиях секуляризации духовной жизни XVIII века», т. е. В эпоху петровских реформ¹.

Поиск истоков русской мемуаристики неизбежно приводит нас к фигуре князя Б. И. Куракина, который традиционно считается первым русским мемуаристом. Борис Иванович Куракин (1667-1727), виднейший деятель петровской эпохи, был крупным дипломатом Петра I, он выполнял дипломатические миссии при разных европейских дворах: Ганновер, Голландия, Англия, Франция.

Но для историков литературы представляет интерес не столько государственная деятельность Куракина, сколько его литературное наследие. В 1705-1709 гг. Куракин пишет автобиографию, которая и будет первыми мемуарами, написанными русскими. В эти же годы (1705-1706) Куракин в качестве частного лица предпринимает поездку по Западной Европе, посетив Голландию, Пруссию и другие немецкие государства. Вторая поездка в Европу в 1707-1708 гг. связана с дипломатическим поручением к папе римскому. При этом маршрут Куракина проходил через Польшу, Австрию, Голландию.

Во время того и другого путешествия Куракин вел путевые заметки, которые можно считать энциклопедией по богатству собранного в них материала: здесь мы находим данные по административному и политическому устройству государств, религиозные вопросы, описание различных достопримечательностей, диалогов, церемониалов, этнографические и деловые заметки.

Эти две работы и будут представлять объект настоящего исследования. Первая работа, которая позволяет нам сегодня считать Куракина первым русским мемуаристом, — «Жизнь князя Бориса Куракина» написана им в 1705-1710 гг. Поскольку этот жанр не был еще освоен русской литературой, Куракин в свое

оправдание вынужден объяснить причины, побудившие его создать этот труд. Их три : а) его принудила к этому совесть; б) ранее в «забавах суетных» не имел времени; в) следуя обычаю европейских народов.

Как отметил исследователь русской мемуаристики А. Г. Тартаковский, в структурном отношении данное произведение следует летописной традиции . «Зарождавшийся мемуарный жанр... воспринимался (но не столько читателями, сколько самими его творцами) в качестве продолжения летописной традиции»² Весь материал группируется по датам жизни («Жития моего год первый...год второй...»), причем Куракин дает две даты: от Рождества Христова и от Сотворения мира. Автор употребляет традиционные летописные зачины : «Того года...», «И с того года...». В одном повествовательном ряду помещаются события общегосударственные и семейные, изложенные одинаково ровным, бесстрастным тоном. Все события в равной степени важны для рассказчика: факты своей семейной жизни (рождение и смерть близких), собственные болезни и недомогания ни в малой мере не заслоняются описанием военных походов, нововведений петровского времени. Описывая новые реалии своей эпохи, такие, как обучение дворянских детей навигационным наукам, строительство флота в Воронеже, начало строительства Санкт-Петербурга, Куракин не отбрасывает и мелкие новшества: в Москве стали запирают ворота, бить в набат по-другому. Автор, как добросовестный хроникер-летописец, фиксирует все события на уровне констатации факта, не раскрывая их причин и не давая своих оценок.

Но анализ данной работы будет односторонним без указания тех моментов в тексте, где авторское «я» пробивается сквозь бесстрастную «погодную сетку повествования»³. В некоторых эпизодах, касающихся личной жизни, рассказчик отмечает свое внутреннее состояние: «...имел гипохондрию и меланхолию. Так было в доме своем, что николи радощен заставал и всегда плакал. А причины той нимало не знал, для чего так...»⁴. Другой пример касается неблагоприятного, с точки зрения Куракина, состояния дел при дворе, здесь автор дает однозначную, негативно окрашенную оценку придворным Петра I: «...глупые, худые, без показания всякого добра и заслуги...»⁵. Эти эмоционально-личностные высказывания нарушают специфику летописной традиции. Тартаковский отметил, что «стремление выйти из рамок летописи» одновременно связано с процессом роста личностного самосознания рассказчика, когда на передний план выходит личность автора с его индивидуальной биографией и духовно-нравственным миром⁶.

Второе произведение Куракина «Дневник и путевые заметки», написанное в 1705-1710 гг., вне всякого сомнения можно отнести к жанру путевых записок. В жанровом отношении это произведение не носит того новаторского характера, который имеет автобиография Куракина. Если при создании автобиографии автор мог опираться, как мы предполагаем, только на подобные образцы западной литературы и на собственную литературную интуицию, то в выборе жанра второго произведения он имел в качестве ориентира предшествующую литературную традицию древнерусских хождений и статейных списков.

Кроме того, еще до Куракина русские путешественники обращались к этому жанру. Широко известны «Путешествие стольника П. А. Толстого» (1697-1699); «Записки неизвестной особы» (1697-1699), автор которых до сих пор не установлен; путевые записки и статейные списки Б. П. Шереметьева (1697-1699). Опубликованы они были позднее, в конце XVIII-XIX вв. У нас нет сведений, был ли знаком Куракин с рукописями этих произведений. Известно лишь, что он нео-

днократно встречался с П. А. Толстым. Так или иначе все перечисленные произведения имеют определенное сходство как в структурном, так и в тематически-содержательном отношении.

Куракин традиционно выстраивает текст в хронологическом порядке согласно маршруту путешествия. Точно фиксируется год, месяц, число записи. Линейному принципу изображения подчиняется также и пространство⁷. Подробно отмечают места остановок, обедов, расстояние между населенными пунктами.

Исследователь «Путешествия стольника Толстого» С. Н. Травников справедливо отмечал неоформленность жанра путевых записок. Именно в петровскую эпоху происходит становление этого жанра, именно в этот период в нем кристаллизуются новые жанровые формы: «портрет», «пейзаж», «научное описание», «эстетический трактат» и другие «малые жанры, обретшие самостоятельность во второй половине 18 века»⁸.

Все эти особенности наглядно демонстрируют нам путевые записки князя Б. И. Куракина. Как путешественник, автор отмечает достопримечательности каждого населенного пункта, через которые проходит его маршрут. Описания эти обычно строго структурированы: указывается расстояние от предыдущего места остановки, его местоположение, обязательно фиксируется наличие реки, порта, гор и других природных объектов, принадлежность данного населенного пункта. Далее отмечаются городские объекты, достойные внимания: примечательные здания, крепости, палаты, академии, лечебные воды, каналы. Особо выделяются главные лица города, их двор, церемониалы.

Следует отметить разносторонность тематического содержания данного текста. Помимо чисто описательных эпизодов автор включает в текст тематические подборки, касающиеся разных сторон политической, экономической, социальной жизни Западной Европы. Так, очень подробно описывается административное устройство Нидерландов, политическое устройство Англии. Эти записи поражают четкой структурированностью и ясностью изложения.

Русского путешественника интересуют разные стороны общественной жизни Европы. Многочисленны заметки, носящие экономический характер. Автор показывает, чем живет город: с кем ведет торговлю и какими товарами располагает, какие бывают ярмарки. Иногда читателю предлагается своего рода реестр товаров: их виды, цены, качество. Так, голландские записи включают целый каталог разных видов французских вин и голландского пива с указанием их названия, цвета, качества, цены.

Не остаются в стороне и религиозные вопросы. Внимание всех русских путешественников, как правило, привлекают монастыри, церкви и церковные обряды других верований. Будучи в Амстердаме, Куракин перечисляет городские церкви, принадлежащие разным конфессиям: реформисты, лютеране, квакеры, семиты, католики, персидская и армянская церковь. При этом следует отметить спокойное отношение к инородным верованиям. Веротерпимость — характерная черта русских путешественников. «Ситуация хождения в чужие страны не приводит его (путешественника — В. С.) к духовной изоляции. Внутренний мир путешественника открыт к восприятию всего нового, непознанного»⁹.

Интересны и разнообразны по содержанию также этнографические записки Куракина. Среди событий местной жизни особо выделяются яркие, праздничные. В Риме Куракина поразила папешская процессия в госпитале Santo Spirito, где живут «выблюдки»; театрализованный карнавал на день св. Петра, во время кото-

рого бывают маскарады, балы, серенады. Гаага интересна другими развлечениями: прогулки дам и кавалеров на каретах, многочисленные увеселения на праздник св. Пасхи, которые подробно перечисляются по пунктам (всего 10). Подобные очерки вносят в текст произведения «эстетику праздничности»¹⁰, карнавальности. Открытость героя культуре других народов, «чувство радости бытия»¹¹ свойственны мироощущению русских путешественников петровского времени.

Следует отметить немногочисленность наблюдений над характером, нравами самих местных жителей. Описательный элемент преобладает в тексте над какими-либо элементами анализа, обобщения. Автор отмечает чистоту немецкого народа, неприветливость, любовь к деньгам голландцев, приятную внешность женского населения в Гамбурге и пьянство мужского.

Характерно отношение Куракина к предметам искусства. Рациональный ум человека петровской эпохи подчинялся искусству «принципу практической полезности»¹². Выделяются, как правило, творения технического искусства: фонтаны, часы. Никто из русских путешественников не остается равнодушным к фонтанам. Необыкновенно ярко и красочно описание фонтана на вилле князя Понфиля-Бельведере в деревне Фришкаты под Римом. Привлекают произведения садово-паркового и прикладного искусства (отделка помещений, внутреннее убранство зданий).

Неотразимое впечатление произвела на Куракина музыкальная культура Западной Европы. Он восхищается серенадой, ораторией, но неискусенность в этом виде искусства делает его описания неуклюжими и громоздкими: «...такой огромной музыке и кампазии и таких инструментов на свете лучше не можно быть, а наиначе каких дикия были выходки на трубах, что внезапно мною затменность дают человеку»¹³.

Текст Куракина интересен не только с точки зрения тематического содержания, но и в композиционном отношении. В основную структуру текста вкраплены фрагменты других жанровых систем. К ним можно отнести элементы справочного характера, автор поясняет реалии, непонятные для русского читателя: серенада, оратория, биржа. Проезжая по Литве, Куракин составил небольшой русско-литовский словарик, очевидно, слов, необходимых ему для общения. В текст включаются даже счета от портного, роспись вещей, отправленных на родину, черновики писем в Россию.

В структуру текста органически входят зарисовки-иллюстрации, поясняющие содержание. Всего пять таких зарисовок. Такая многослойность композиционной структуры отчасти связана, как отметил Травников, с предшествующим литературным жанром статейных списков с их строгой формой отчетности. С другой стороны, путевые дневники служат для автора одновременно записными книжками с их спецификой фиксации сиюминутного, переходящего Куракин, например, скупулесно фиксирует свои покупки и денежные расходы, расписание движения почтовых экипажей через Амстердам, счета от портного и т. п. Все эти примеры нечто иное, как проявление личности автора в тексте произведения.

Путевые записки Куракина демонстрируют большую проявленность автора в тексте по сравнению с его автобиографией. Можно проследить, как каноны жанра довлеют над сознанием писателя и диктуют ему свои законы: если жанр автобиографии до сих пор связывается с летописной традицией и ограничен ее строгими канонами, то выход в другой жанр с менее жесткой регламентацией

обеспечивает автору большую свободу в тексте.

Авторское начало неизменно присутствует на всем протяжении текста и может проявляться разными способами. К примеру, Куракин подробно описывает свое лечение в Карлсбаде, фиксируя при этом физиологические отправления. В некоторых местах текста автор косвенно обращается к читателю, причем не к потомкам, а современникам. Например, будучи в Гааге, Куракин перечисляет товары, которые можно там купить; в Амстердаме же, начиная описание города, прерывает его под предлогом, что многие здесь были и «сами видели». Ориентированность на современного читателя позволяет предположить, что данное произведение служило просветительным целям и было предназначено для образования соплеменников, не бывавших за границей.

Путевые записки Куракина дают материал для исследования ментальности русского человека петровского времени. Русский человек, попав из полувцилизированной, варварской страны в Западную Европу, сталкивается с непознанным миром, который он должен осваивать. Герой путевых записок предстает перед читателем человеком, открытым всему новому, часто непривычному и неожиданному, он способен вмещать в себя самые разнородные явления. Внутренняя широта позволяет ему быть терпимым к различным явлениям чужой культуры. Он не склонен ни осуждать других, ни умялять себя.

Куракин охватывает широкий спектр общественной жизни западных государств, стараясь представить ее системно в многообразии политических, экономических, культурных аспектов. Особый эмоциональный отклик и восхищение находит такие феномены западной жизни, которые автор не встречал в российской действительности. При этом Куракин практически не проявляет интереса к национальным особенностям самих народов, не делает каких-либо психологических наблюдений. Отсутствие психологического анализа, оценочности и обобщения — характерная черта русской мемуарной литературы этого периода, связано это, по всей видимости, с младенческим состоянием данной литературы, которая пока еще только осваивает описательный план и учится систематизировать явления.

Путевые записки петровского времени (Куракина, Толстого, Неизвестной особы и др.) закладывают основы жанра путевого дневника, который позднее будут разрабатывать Д. И. Фонвизин («Письма из Франции»), Н. М. Карамзин («Письма русского путешественника»), А. С. Пушкин («Путешествие в Арзрум»).

Борис Иванович Куракин, таким образом, был не только тонким и искусным дипломатом Петра I, храбрым воином, принимавшим участие в крупных военных битвах своего времени, но и наблюдательным, неординарным писателем. Литературное наследие его далеко не исчерпывается двумя рассмотренными работами. Он является также автором исторического труда «История о царе Петре Алексеевиче», многотомных дипломатических мемуаров, заметок. Все эти произведения, написанные одним и тем же автором, различны по стилю, по степени присутствия авторского начала в тексте, они дают богатый материал как для историка, так и для филолога.

Примечания:

1. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII- первой половины XIX в. М., 1991. С. 6-7.
2. Там же. С. 43.
3. Там же. С. 46.
4. Куракин Б. И. Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная.

- 1676-1709 // Архив кн. Ф. А. Куракина: В 8 т. СПб., 1890. Т. 1. С. 250.
5. Там же. С. 286.
6. Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 58.
7. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. «Умнейшая голова в России...» // Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697-1699. М., 1992. С. 281.
8. Там же. С. 267, 278.
9. Ольшевская Л. А. Указ. соч. С. 278.
10. Там же. С. 271.
11. Там же. С. 273.
12. Там же. С. 267.
13. Куракин Б. И. Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина. 1705-1710 // Архив кн. Ф. А. Куракина ; В 8 т. СПб., 1890. Т. 1. С. 202.

© **Трусов В. А.**
г. Первоуральск

ДЕРЕВНЯ КАМЕНКА В ОЧЕРКЕ «БОЙЦЫ» — ЭТО УСТЬ-УТКА НА ЧУСОВОЙ

Во время юбилейных мероприятий по празднованию 125-летия со дня рождения Мамина-Сибиряка в 1977 году в деревне Каменка на Чусовой Первоуральского района на базе отдыха треста Уралтяжтрубстрой (сейчас строение продано в частную собственность) была установлена мемориальная доска, сообщавшая о том, что в этом доме в 1883 году останавливался Д. Н. Мамин-Сибиряк перед сплавом по реке Чусовой. Сразу же скажу, что в празднование 150-летия писателя памятного знака на доме в Каменке не обнаружено.

Немного из истории первоуральской Каменки. В 1651 году Фролкой Араповым и Афонькой Гилевым «на месте, где р. Чусовая в течении своем дает кривизну на пять верст и затем эти кривизны между собой сходятся на весьма близкое расстояние, не превышающее 50-ти сажень в ширину», была основана Чусовская (Уткинская) слобода [7].

В 1659 г. в новой Уткинской слободе числится 26 дворов. Среди них: «Двор. А в нем живет оброчный крестьянин Фомка Никитин сын Кузнецов» [6, Ф. 1111. Оп. 4. Д. 40. Л. 223-228].

В 1662 г. Уткинская слобода подверглась нападению башкир, поддержанному частью ясачных вогулов и татар. Сохранился список крестьян, пострадавших от набега, с перечислением всех понесенных каждой семьей потерь, как в людях, так и в имуществе: «У Фомки Никитина двор созжен. А во дворе созжено хлеба всякого 10 пуд. А скота отгонено бык 3 лет. Да нежатога хлеба изгибло 2 десятины ржи, 2 десятины овса и ячмени. Да посуды всякие и борошно на 15 рублей» [6, Ф. 1111. Оп. 2. Д. 911. Л. 40-44].

При основании Уткинской слободы русские люди считали «водную подкоvu» Чусовой как хорошую защиту от нападения вогулов, башкир и татар. Но разбой и пожар 1662 г. опровергли эту теорию и подтвердили уязвимость поселения. К тому же опыт подсказал, что жить здесь неудобно. Скот нужно гонять из дома на пастбища и дважды каждый день переходить Чусовую. Весной и после дождей летом река поднимала свой уровень и переправа для животных становилась трудной, а порой и невозможной. Поэтому многие жители после набега не стали восстанавливать жилье, а переселились рядом на новые места. Так Трофимко Ондреев сын Гробов ушел в верховья речки Утки притока Чусовой и